

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: БИОГРАФИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

Аннотация. Статья посвящена современному состоянию развития юриспруденции и определена задачей поиска предметных и концептуальных оснований формирования научной дисциплины. Изучение вопроса предполагает широкий социокультурный и междисциплинарный контекст теоретического и практического осмысления динамики трансформаций языка и структуры юридической науки. Статья открывает возможный взгляд на движение отдельных исторических формаций юридического знания как генеалогический процесс или процесс проявления и смены дисциплинарных матриц юридического текста и его порождающей грамматики — языка, предмета и структуры в различных культурно-исторических формациях и траекториях ее развития и воспроизводства.

Культурно-историческая перспектива в изучении права как языковой и когнитивной реальности, одновременно образной, символической и понятийной составляет, на наш взгляд, направление и подход, который позволяют раскрыть актуальные смыслы и значения эволюции науки права в разнообразных цивилизационных (дискурсивных) практиках социального общения. Генеалогия права заключена в языке социокультуры исторической эпохи, ее аксиологии и эпистемологии.

Различение и концептуализация разнообразных уровней и форм существования правовой реальности, ее выражения и описания в различных традициях правопонимания, тем более, когда сама юриспруденция выступает предметом собственной рефлексии, открывает новую перспективу в изучении и права и науки права. Перспективу, определяемую институциональными сдвигами в системах правового регулирования, — от иерархии к сети, и концептуальными сдвигами в системах описания и объяснения права — от нормативных определений к культурно-историческим.

Ключевые слова: эволюция юриспруденции, образование юриспруденции, открытие юриспруденции, смена культурно-исторических парадигм, трансформации права и науки права, правовая эпистемология, культурно-историческая юриспруденция, язык юриспруденции, дисциплинарная структура юридической науки.

JURISPRUDENCE: BIOGRAPHY OF THE LEGAL CONCEPT

Abstract. The article is devoted to the current state of legal development and is defined by the task of finding substantive and conceptual grounds for the formation of scientific discipline. The study of the issue assumes a wide socio-cultural and interdisciplinary context of theoretical and practical understanding of the dynamics of transformations of

the language and the structure of legal science. The article opens up a possible look at the movement of individual historical formations of legal knowledge as a genealogical process or the process of manifestation and change of disciplinary matrices of a legal text and its generative grammar — language, subject and structure in various cultural and historical formations and trajectories of its development and reproduction.

The cultural and historical perspective in the study of law as a linguistic and cognitive reality, at the same time figurative, symbolic and conceptual, constitutes, in our opinion, the direction and approach that allows us to reveal the actual meanings and meanings of the evolution of the science of law in various civilizational (discursive) practices of social communication. The genealogy of law is contained in the language of the socioculture of the historical era, its axiology and epistemology.

Distinguishing and conceptualizing various levels and forms of existence of legal reality, its expression and description in various traditions of legal thinking, especially when jurisprudence itself is the subject of its own reflection, opens up a new perspective in the study of both law and the science of law. A perspective determined by institutional shifts in legal regulation systems — from hierarchy to a network, and conceptual shifts in systems of description and explanation of law — from normative definitions to cultural-historical ones.

Keywords: *evolution of jurisprudence, education of jurisprudence, discovery of jurisprudence, change of cultural and historical paradigms, transformation of law and science of law, legal epistemology, cultural and historical jurisprudence, language of jurisprudence, disciplinary structure of legal science.*

Право: от слова к цифре

*...предмет науки
воздействует на саму науку...*
Жан-Пьер Дюшюи.

*...мы имеем дело с двумя явлениями:
во-первых, с действительностью,
во-вторых, с концепцией этой действительности...*
Ольга Фрейденберг

Следуя утверждениям, выведенным в эпиграф, резонно задать один простой вопрос, ответ на который составляет если не предмет исследования, то постановку проблемы по предмету исследования — по праву как по явлению и праву как по объекту науки права, то есть по праву до понятия права и после понятия права. Это разные или тождественные явления; это юридическая реальность, произведенная практиками социального общения или юридический концепт, существующий в исторических формах восприятия и переживания права, его понимания, осмысления и определения; это — два объективных измерения соционормативной реальности или исторические моменты ее существования, до и после. Вопрос в том, что есть, а что не есть право, непосредственно связан с вопросом о том, что есть, а что не есть наука права. Обе составляющие грамматики правопорядка имеют одно общее осно-

вание. И право, и то, что мы определяем в качестве права, есть юридический Текст, который нас окружает во всем, везде и всегда с начала времен. Хотим этого или не хотим, но в нем мы живем и в нем умираем. Юридический текст говорит на языке правил, оценок правил и представлений о правилах. Юридический текст переживается, оценивается и осмысливается. Право — это и то, и другое, и третье (и переживаемое, и оцениваемое, и осмысливаемое). Это первичная реальность, данная нам в восприятии, отношениях и оценках того, что есть и что должно быть в различных культурно-исторических практиках социального общения. Право живет на пересечениях социального, политического и культурного пространства; имеет ментальное и когнитивное, вербальное и визуальное измерение; говорит на языке знаков, символов и образов, концептов и понятий. Среда его обитания воображаемое и фактическое. Это — социокультурная и нормативная вселенная, космос номоса и таксиса социальных зависимостей, связей и отношений, сетей и иерархий со своими языками описания, объяснения и организации социального общения, то есть со своей практической и познавательной грамматикой правопорядка, своей системой пересечений, взаимодействий и коэволюций.

Рассуждение о праве — одна из возможных исторических форм существования права и репрезентации права. В этом плане юридическая наука — одна из исторических форм манифестации и выражения (*концептуализации*) права. Если мы ответим на вопрос, *что есть право*, значит, мы ответим и на вопрос, *что есть знание о праве*. Право — историческая категория, поэтому каждая историческая эпоха отвечает на эти вопросы на языке своей социокультуры. Оно существует в определениях нормативного языка социокультуры своего исторического времени и своего исторического пространства, его мифов, верований и понятий. В этом смысле наука права — это гуманитарная дисциплина в различных модусах культурно-исторического существования и выражения права, то есть юридического языка, на котором говорит право и на котором размышляют о праве [1, 2, 3, 4, 5, 6]¹.

¹ Статус гуманитарной науки не возникает сам по себе [1]. Юридическая наука знает физических и юридических лиц, то есть интересуется, преимущественно институтами, а не переживаниями в связи и по поводу их разрушительной деятельности. Человеческое — социокультурное, ментальное и когнитивное измерение права рассматривается, главным образом, в контексте прав человека, привязанных в своих определениях к формально-догматическим концепциям и юридическим конструкциям субъективных прав и обязанностей [2, 3, 4]. Концептуальная альтернатива позитивистской версии понимания прав человека также имеет своих сторонников и свой набор аргументов [5, 6]. Обе позиции, при всех различиях в подходах и признании данного явления в качестве социокультурной категории, сходятся в одном. Они исключают юридический факт наличия прав человека просто по факту культурно-исторического существования самого человека. *Очередная фикция долгожданной свободы для всех, пущенная в идеологический оборот, — цифровая реальность*. Концепт, призванный скрыть грядущую смерть института фундаментальных прав человека и гражданина. За магией пустых слов о развитии новых технологий социального общения прячется движение к всеобъемлющим формам социального контроля. Грядущее будущее — общество без граждан, общество абсолютной несвободы, определяющей и устанавливающей господствующий язык описания и объяснения политико-правовых процессов и решений — уже здесь и сейчас. Все заключено в истории доктринальных базовых текстов, которые никуда не уходят, а живут своей скрытой жизнью в ожидании часа, который непременно однажды наступает. Это — явление из прошлого крепостного права в его цифровой редакции.

Два исходных положения концептуализации феномена права требуют методологических разъяснений. Право как универсальная форма социального общения не существует само по себе. Оно — функция и переменная социального, политического и культурного общения и его контекста. Отсюда вытекает, что не всякое суждение о праве является только юридическим суждением. В составе суждений о праве могут иметь место также социологические, политологические и культурологические суждения. Отсюда проблема и тема различения юридического и неюридического измерения или составляющих права и, соответственно, различения собственно юридического и неюридического знания о праве в определениях понятия права. В данном аспекте своего изучения право в его собственной онтологии и феноменологии — предмет междисциплинарных исследований.

Другое положение также непосредственно связано с первым и логично вытекает из него. Не всякое юридическое суждение о праве является теоретическим. И отсюда проблема и тема концептуальных критериев и оснований эмпирических и теоретических определений и построений в праве и о праве. С этого начинается собственно теория права, то есть аналитика ее предмета, метода, междисциплинарных связей в системе общественных и юридических наук.

Концептуализация права в собственной онтологии и эпистемологии в значительной степени зависит от политических оснований его развития и функционирования. Господствующий политический гештальт (образ, язык) оказывает существенное влияние на процессы производства и воспроизводства систем юридического знания своего времени. Особенно это касается нормативного языка юридического знания, вырабатываемого в рамках позитивной науки права. Явление права не существует само по себе, оно опосредовано не только историческим и социокультурным контекстом или фоновой аксиологией явления, но и конкретным понятийным кластером, в котором явление подвергается необходимым для понимания его наличного содержания и форм аналитическим процедурам и определениям [7; 8; 9]. Явление права существует в определениях языка своего конкретного понятия. Получаемое здесь представление о праве, в свою очередь, опосредовано правовой политикой государства, которое, позиционируя себя в качестве источника права, ожидает таких нормативных конструкций в определении права, в которых уже в редуцированной форме присутствует или задано политически мотивированное содержание права. Различие данных аспектов существования и выражения права, собственно научно-теоретического и практико-политического существенно с точки зрения понимания противоречивой природы взаимных отношений научной и юридической истины, пересечений этоса бюрократического государства и этоса юридического сообщества. В этом смысле этическое измерение правовой реальности имеет фундаментальное значение, поскольку понятие права — органическая часть явления права, а юриспруденция — органическая часть правовой системы.

Феномен права имеет разнообразные модусы и модальности своего существования и выражения, представленные, соответственно, системами правил и институтов, идей и ценностей, доктрин и концепций. Связь данных проявлений правовой реальности онтологически задана и определяется социальным, политическим и культурным контекстом своей эпохи, то есть, заключена в пространственно-временные исторические рамки производства и воспроизводства нормативных систем социального общения. Влияние институтов на развитие систем правовых знаний и систем юридических знаний на развитие правовых институтов подтверждается историческим опытом становления правовых систем, составной частью которых являются и корреспондирующие им системы юридических знаний. Классической иллюстрацией является римское право и его концептуальное продолжение — юриспруденция [10, с. 76–119; 11, с. 47–59]. Социокультурный механизм превращения знания о праве в правовые институции составляет ключевую тему и проблему социологии и антропологии права или культурно-исторической юриспруденции. В наиболее полном формате это положение находит себя в реальной политике борьбы за правовые номинации, то есть такие юридические нарративы, определения и конструкции, которые обеспечивают группам господствующих интересов выгодные или приемлемые правовые квалификации и условия для себя и противоправные для своих политических конкурентов и оппонентов [12, с. 126; 13, с. 47–58; 14].

Любое явление (в том числе и право) существует в границах языка, на котором осознают и осмысляют явление. Язык, на котором говорят и рассуждают о явлении, в самом себе заключает то, *что* мы мыслим о явлении и *как* мы осмысляем явление, то есть предмет рассуждения и метод или логику рассуждения о явлении. Таким образом еще до того, как мы соприкоснулись с явлением права, границы его существования и понимания заданы самим языком рассуждения о праве. В этом смысле правовая реальность, которая прячется за явлением права и обнаруживает себя в понимании права, — это функция языка социокультуры, его лексики, словаря, терминологии, исторической грамматики, правил и способов рассуждения о праве. Язык, на котором мы говорим, думаем и рассуждаем о праве, не только отражает правовую реальность, — он ее производит, поскольку реальность права существует и выражает себя в нормативных рамках языка социального общения и рассуждения о праве. Правовая реальность по факту своего существования является и нормативной, и языковой реальностью. Язык порождает определенный текст; текст отображает язык, на котором пишется текст; язык предполагает правила производства (организации) текста или дискурс. Юридический текст — устный или письменный, и юридический дискурс — практический или теоретический, лежат в основании юридической власти господствующего языка, существующего и наследуемого в культурно-исторических границах социального общения.

Представленная статья в определенном смысле, в котором автор пока еще только пытается разобраться, по крайней мере, для себя, и есть попытка ответить на вопросы, которые если и придуманы автором, то без злого умысла. Право и исторические системы знаний о праве изложены в определениях языка социокультур своего времени. Общее содержание работы выстроено в последовательности, которая сложилась сама собой без каких-либо предварительных планов и намерений узнать о предмете больше, чем он позволяет. Необходимо предварить последующие рассуждения о развитии систем юридических знаний одним, дополняющим общую картину темы и процесса, замечанием: историческое измерение развития права и науки права уже представлено в общей дисциплинарной структуре юридической науки такими областями юридического знания, как История государства и права и История политических и правовых учений; История государственно-правовых институтов и История политико-правовых доктрин как частей общей и профессиональной подготовки юристов на уровне бакалавриата и магистратуры. Дополнительный исследовательский и образовательный импульс развития данного компонента юридической науки и образования связан также с появлением сегодня новой учебной дисциплины — Истории и методологии юридической науки. Расширение предметно-методологической сферы изучения самой юриспруденции сам по себе и научный факт, и новый предмет юридических исследований. На наш взгляд, в общем корпусе исследовательских направлений юридической науки существенное место должна занимать комплексная проблема и тема культурно-исторических и эпистемологических оснований развития самой юриспруденции. Ее дисциплинарное самоопределение и выражение составляет именно *теоретическая* история развития систем юридических знаний или концептуальная история юридической науки.

Иначе говоря, новую предметную область образуют и история развития юридической науки, и история концепций, объясняющих ее движение в культурных и концептуальных контекстах возникновения и существования. История и теория систем юридического знания — это своего рода нормативная археология (в духе текстуальных построений Мишеля Фуко) [15; 16]². Она

² Юридический текст в любой культурно-исторической форме своего существования и выражения (визуального и вербального) — устной или письменной речи, нормативно-правового акта или судебного решения, жеста или интонации, символа или знака — является исходной категорией права. Он отражает и сохраняет ментальное, когнитивное и нормативное разнообразие юридических картин мира и юридического концепта действительности, лежащего в основании наличных правопорядков и определяющего границы и траектории их движения в историческом пространстве и времени. Заключенные в нем мировоззрение и юридическое знание охватывают собой самые различные, предметные и психологические основания жизнедеятельности человека, оставляют свои следы в архитектуре и окружающем ландшафте, убранстве и структуре жилища, моде и стиле поведения. Они присутствуют везде и во всем, в отношениях, представлениях и определениях должного порядка вещей в прошлом, настоящем и будущем. И никуда не уходят, оставаясь всегда фактом культурно-исторической биографии права и науки права. Археология юридического знания (текста) занимает в составе гуманитарных наук также, как палеонтология в составе естественных наук, особое место. Исторические реконструкции (интерпретации) текста и заключенного в нем

непрерывно пополняется и воспроизводится своими юридическими руинами и новым строительным материалом. Сегодня этими руинами и материалом является юриспруденция живого слова, на смену которой идет, прежде чем исчезнуть, утратив правосубъектность, *юриспруденция анонимной цифры как новый глоток мнимой свободы*.

Феномен господствующего означающего уходит с юридической сцены, уступая место подвижным формам организации правопорядка, в составе юридического инструментария которого ключевое значение приобретает герменевтика, семиотика и интерпретативные техники понимания и определения наличного права. Смещение от установленного формального права к свободному рамочному праву означает переход от права, основанного на юридическом факте, к праву, основанному на когнитивном представлении о факте. Базовые формулы-паттерны должного правопорядка заменяются текущими и размытыми определениями. Цифровое право, по существу, и является тем форматом правопорядка эпохи постмодерна, который, в режиме реального времени формирования и осуществления трансакций, способен фиксировать возникшее и работающее в нем текущее правоотношение. Способно ли цифровое право заполнить разрыв формально должного и подвижного сущего без разрушения наличного правопорядка — вопрос недалекого будущего.

Эйфория скоро пройдет, а юридические руины надолго останутся, останутся и воспоминания о праве социокультурного Текста нагруженного этическими и религиозными контекстами. Действительное право — это право метафизического смысла человеческого существования, поскольку оно выводится или, точнее, пишется и живет в представлениях и определениях должного в сущем языка социокультуры своей эпохи. Только в восприятии юристов позитивистской ориентации оно сочиняется в кабинетах законодателей. Цифровая реальность обладает собственным воображаемым существованием, своим юридическим языком и дискурсом или способами построения и трансляции аргументации, посредством которой, маскируя и замещая фактическую реальность, она обретает дополнительный импульс и видимость бытия отсутствующей социальной перспективы.

В таком аспекте своего понимания и бытования ментальным продолжением Цифры и является постюриспруденция — концептуальный тупик в исторических трансформациях юридической науки и знания. Это линия движения от предметных границ права иерархий к праву ситуативных сетей, к государству без граждан и законодательству без права, а, по существу, это —

юридического концепта позволяют восстановить не только истоки эволюции юридических языков той или иной эпохи, состава их лексики, значений и нормативной грамматики, но и социальные и культурные механизмы движения права в широком контексте институциональных и концептуальных изменений. И, прежде всего, парадигмальные сдвиги и переходы в системах юридических знаний, языков и дискурсов или правил, конвенций, аргументаций и стилей в практиках осмысления и организации власти и нормативного регулирования различных исторических эпох, типов правовых систем и правового мышления.

движение к языку теории отсутствия государства и языку теории отсутствия права. Гуманитарное наследие юриспруденции Слова, не востребованное юриспруденцией Цифры, становится историей несостоявшейся надежды человека перестать быть функцией кого-то или фикцией чего-то, то есть принадлежать себе. Концептуализация цифры в определениях негативной диалектики Т. Адорно закрывает проблему и тему человеческого, а значит и правового существования раз и навсегда, поскольку в нем не будет места социокультурным предпочтениям и свободному выбору пути. Все будет изготовлено заблаговременно на фабрике унифицированных цифровых платформ. Главное, подготовить надлежащее сырье для последующего массового потребления.

Юриспруденция: между мифом и логосом

*От всех предшествующих состояний мысли
рационализм ... отделен наличием
методологической рефлексии, которая обращена,
во-первых, на саму себя, (гносеология, логика),
во-вторых, на слово (теория языка, риторика, поэтика).*
Сергей Аверинцев

Образование и открытие юриспруденции заключено в истоках ее генеалогии. Генеалогический подход позволяет установить, какие характеристики права и науки права как социокультурных категорий, системы институтов и представлений об институтах, языков описания и объяснения явления права утрачены или приобретены в процессе движения их исторических форм (модусов и модальностей) в контексте той или иной эпохи своего существования и развития. И, самое главное, выявить состав инвариантных и вариативных, структурных и функциональных, онтологически данных и исторически заданных признаков, определяющих истоки и траектории движения различных правовых систем, динамику их преобразований и возможных пересечений в историческом времени и пространстве. Генеалогический подход открывает возможность уловить как парадигмальные сдвиги в развитии правовых систем в их синтагматике и парадигматике, так и исторические изменения в содержании и функциях права, в его культурно-цивилизационных основаниях. Каждой кризисной эпохе в эволюции юридических картин мира корреспондируют свои культурно-исторические условия трансформации права в составе и структуре правовых институтов, в составе и иерархии лежащих в их основании ценностей, в системе представлений о праве, правовых категориях и понятиях, базовых концептах или языков господствующего обозначающего.

Право обретает свое предметное и прагматическое значение в определениях своего понятия. Каждая эпоха существования феномена права образует своего рода систему культурно-исторических и концептуальных координат

со своим аналитическим языком и терминологией описания и объяснения явления права. Оно живет в рамочных построениях языка или понятийного кластера эпохи, ее эпистем или господствующего обозначающего, устанавливающего и границы существования явления (*онтологию*), и границы его понимания (*эпистемологию*). Эволюция понятия права выражается в эволюции или, точнее, смене концептуальных парадигм, обеспечивающих переход к новым формам и уровням концептуализации явления. Институциональная биография права заключена в концептуальной биографии его понятия, каждый слой определений которого является репрезентацией отдельных эпох их совместного исторического и аналитического существования.

В этом аспекте своего понимания генеалогический подход охватывает все составные элементы знаково-семиотического прочтения юридического текста — универсальной категории права и науки права: предмет концептуализации (*обозначаемое*), юридический дискурс (*обозначающее*), понятие (*обозначенное*) и процесс концептуализации (*обозначивание*). Культурно-историческая практика становления и развития правовых систем в нем находит универсальный аналитический язык реконструкции фазовых парадигматических и эволюционных изменений собственных нормативной, институциональной и концептуальной составляющих в их взаимных связях и отношениях. Типология форм культурно-исторической эволюции юридических картин мира симметрична контовской цивилизационной парадигме изменений в системах социальных коммуникаций и обеспечивающих их правовых систем. Важно лишь иметь в виду, что развитие правовых систем происходит в исторически различных культурных пространствах, время в которых протекает неравномерно, с различной скоростью и инерционностью на различных уровнях и в отдельных элементах институциональной и концептуальной подсистем, их нормативного и понятийного языка. Историческое время, выраженное в различных фазовых состояниях процесса асинхронных изменений элементов правовой системы, рождает ее внутренние противоречия, рассогласованности и взаимонесоответствия. Накапливаемые отклонения и дисфункции разрешаются, в конечном счете, структурными сдвигами в содержании и формах выражения наличного правопорядка, то есть сменой концептуальных парадигм в собственной истории их пространственно-временных отношений и переходов.

В позитивной науке права значение категорий пространства и времени в осмыслении правовых явлений носит фрагментарный и сугубо формальный характер. Это — элементы среды обитания права, юридические факты места и событий, с которыми формально связаны определенные правовые следствия. Все иное в понимании концептуального статуса данных категорий в юриспруденции не входит в ее предмет, то есть, не разрабатывается. Видимо, правовая наука потому и является позитивной, что не разрабатывает данные категории за рамками предписанных значений, поскольку в противном случае возникло бы много вопросов, на которые следовало дать ответы, по крайней

мере, в теории права. Можно, разумеется, сказать, что в своей социальной онтологии эти категории составляют пространственно-временной континуум протекания практической и познавательной юридической деятельности, то есть ничего не сказать. Главный вопрос — обладают ли категории пространство и время таким познавательным и логическим значением, которое имеет, в свою очередь, фундаментальное значение в понимании и определении природы и сущности, содержания и форм права и, соответственно, находит предметное и понятийное отображение в структуре науки права и юридического знания о праве? — предполагает развернутый ответ.

Положительный ответ включает в себе необходимость разработки как данной темы, так и аналитического инструментария, посредством которого можно развернуть ее в полном объеме своего содержания. И тем самым обеспечить корректное определение значения пространственно-временных категорий и связанных с ними аналитических конструкций в исторических контекстах их сосуществования и взаимовлияния на процессы развития права и языка науки права. Совмещение пространственно-временных характеристик юридического текста в широком значении термина (правовой институт и концепт) и его семиотическое прочтение в понятиях «обозначающее», «обозначаемое» и «обозначенное», открывает аналитику матричного описания и объяснения явления права, соответственно, через изменения означающих, означаемых и означенных в определениях явления права и пространственно-временных контекстах его исторического существования и развития. Эпистемологическая матрица является вместилищем возможных значений юридического текста, существующего в ее концептуальных границах. Посредством конкурирующих интерпретаций и переинтерпретаций на языке господствующего в данном пространстве и времени юридического концепта и осуществляется производство конкретного знания о скрытых в тексте содержаниях. Именно в этом смысле и явление права, и наука права контекстуальны и конвенциональны в своих конструкциях и представлениях. Следует лишь иметь в виду, что и языки предписаний и языки определений в своих содержаниях и формах выражения живут своим собственным пространством и временем, одновременно предметным, воображаемым и формальным. Они образуют правовую реальность и, только меняясь сами, изменяют и ее.

Источник и начало исторического времени и пространства будущих институциональных и концептуальных переходов и перемен — живая социоприродная правовая реальность, нагруженная мифологическими представлениями и осмыслениями явления права в мифопоэтических образах и ритуальных техниках производства и воспроизводства практик социального общения. Миф — первоначальная форма концептуального отображения и санкционирования социальной реальности, непосредственного перевода конкретного воображаемого в фактическое. Завершенный формат мифопоэтического мышления нашел себя в порождающем фактическую реальность

эйдосе (*творящем дискурсе*) платоновской теософии. Архаическую стадию культурно-исторической эволюции юридических картин мира (рефлекторного мышления) сменила религиозно-символическая фаза и модус ее проявления. Вторичная моделирующая правопорядок система мышления о праве — это система, основанная на вере в божественное предопределение практик организации власти и управления. Завершающая цикл культурно-исторических трансформаций юридических картин мира рационально-логическая или фаза понятийного (рефлексивного) мышления о праве — формальная система логически выводимых суждений должного социального порядка. Ее предметное воплощение нашло себя в эмпирико-аналитической модели описания государственно-правовых порядков Аристотеля. Эволюционные наслоения и парадигмальные сдвиги юридических картин мира получили свое отображение в собственных когнитивных формах нормативного восприятия и аналитического структурирования действительности, организованной в системе ее социальных иерархий и социальных сетей, начиная от первоначальных сообществ и завершая современными обществами [17; 18; 19; 20; 21; 22, с. 364–383; 23].

Архаические сообщества — сообщества медленного циклического времени, населенного духами предков пространства и традиционного права. Архаическое право переживается в ритуалах и осмысляется в мифах. Это — право сообщества предписанных (*аскриптивных*) нормативных статусов и ролей. Первая знаниевая форма определена жесткой системой мифологических представлений о должном порядке и его источниках. Это — проявление органического правосознания первоначальных сообществ и архетипических проекций должного в сущем. Оно включало в себя сакральное знание для посвященных и выражало сложную структуру отношений между бытийным Хаосом и упорядоченным Космосом, эмпирической повседневностью и социоприродной метафизикой. Это — первородный язык социального общения, отраженный в ритуальных практиках и институтах передачи новым поколениям — жреческих сообществах [24; 25; 26, с. 353–382; 27; 28; 29; 30; 31]³; — мир рассеянного, образного и эмпирического знания

³ Эволюция юриспруденции в определениях профессионально практикующих юристов, выраженная в комментариях, классификациях и обобщениях правового материала по отдельным правовым категориям и институтам востребовала на определенной фазе своего систематического развития появление учебной юридической литературы. В терминах своей эпохи «институций», с одной стороны, резюмирующих уровень научно-практического осмысления отдельных аспектов правовой организации и регулирования в их пропедевтическом изложении, а с другой стороны, отражающих потребность подготовки юристов, осваивающих и владеющих унифицированным языком описания и объяснения правовых ситуаций и событий своего времени (см.: Дождев Д.В.) Языки практической и теоретической юриспруденции, языки правовых конструкций (и правил юридической техники) и языки правовых понятий (и правил их операционализации), определяют и фиксируют институциональные и концептуальные основания и границы общей правовой реальности, ее категориально-понятийные и нормативные ряды и системы, последовательности и сочетания. В этом смысле институциональная история права и концептуальная история науки права, каждая в своей собственной логике существования и воспроизводства, выражают историческую грамматику правопорядка своего места и времени, ее юридический инструментарий и правила организации и функционирования. Традиция

партикулярных этнических сообществ, живущих магическими представлениями и формами социального общения; — юридическое знание живой устной традиции, переживаемой и передаваемой культурными механизмами исторической памяти и основанное на многослойных нарративах творения мира, практических действиях и конечном воздаяния героям культурного пантеона; — проявления феномена органической нормативной реальности, творящей воображаемую нормативную реальность.

Следующая фаза культурно-исторической и концептуальной эволюции права представлена сложной сетью религиозных определений должного поведения — правовой теологией. Это нормативная система правопорядка обществ вертикального вероучительного правосознания, источника права, основанного, как было сказано выше, на вере в предзаданность всего сущего и несущего божественным волеизъявлением. Религиозное общество — это стратифицированное общество разделенного, вечного и преходящего времени, пространства и права. Его ментальное основание составляет разграничение Земного и Небесного порядков. Отсюда различие божественного и профанного, права боговдохновенного, дарованного и предписанного, права Ветхого Завета, Нового Завета и Коранического права. Это — право и юридическое знание, основанное на принципе изначального дуализма мира духовного и материального; мира дифференцированного учительного знания совершенного небесного порядка как альтернативы несовершенному земному порядку. Его концептуальная форма — символическое знание, отражающее извечный конфликт видимого и невидимого, мира живых и мертвых, грешников и мучеников веры, мира относительного сущего и абсолютного должного. Исторические репрезентации развернуты в индуистской и иудаистской традиции трансляции знания, определяемого в модальностях чистого или нечистого, правильного или неправильного поведения, и представлены институтами производства истинных знаний и ритуальных предписаний этико-нормативных школ брахманов и учителей Закона [18]. Это — феномен воображаемой нормативной реальности, творящей фактическую нормативную реальность [32]⁴.

юридических школ, парадоксальным образом прерванная именно в эпоху инициатора универсальной кодификации действующего римского права Юстиниана, была восстановлена уже в средневековой Европе в совершенно ином социально-экономическом и культурном контексте и продолжает быть востребованным элементом развития современных правовых систем.

Общий язык и общее юридическое образование остаются незыблемыми основаниями любого правопорядка. Как в своих истоках, так и современном состоянии своего развития, предмет юридической науки связан с выявлением и разработкой институциональных и концептуальных рядов и группировок права, их сочетаний и пересечений. Анализ парадигматических и синтагматических отношений юридических языков отдельных эпох в синхроническом и диахроническом измерении составляет сегодня новую семиотическую версию прочтения права. Именно в этой логике постановки вопроса проблема открытия юриспруденцией самое себя может найти предметно-аналитическое воплощение и позволит «выскочить» из ловушки наличных догматических схем понимания и объяснения права.

⁴ Развернутая концепция роли религиозных представлений в развитии политико-правовых институтов раскрыта в исследовании (см. Введение / Гражданская община античного мира) французского историка античности Фюстель де Куланжа. По существу, здесь сформулирована и поставлена

На третьей фазе культурной эволюции социальных отношений, порядок которых выстраивается в логике рациональных конструкций правовой реальности, на юридической авансцене царит система сложноорганизованных формальных институтов и определений права. Это — правопорядок общества линейного времени, иерархического пространства и сегментированного права. Его концептуальное измерение включает юридическое знание, выраженное в системе понятий, в основании которых лежат дедуктивно и индуктивно выводимые суждения о должном поведении. Это — право, основанное на формальных определениях и выводимых из них понятиях господства и подчинения; — мир концентрированного юридического знания, различающего его категориальное ядро и аналитическую периферию. Его концептуальная форма — знание, абстрактное, логически выстроенное, рациональное; классическая форма — правовая догматика и аксиоматика позитивного права как завершенной в себе совокупности принципов, дефиниций и норм; живая высокая форма — правовая герменевтика или юриспруденция скрытого глубинного текста внутри внешнего формального текста, обеспечивающая существование непрерывной культурно-исторической традиции образно-метафорической и понятийной концептуализации права и науки права. Феномен секулярной нормативной реальности — выражения процесса маргинализации священного и божественного в системах социального общения [33]⁵.

Новая эпоха социальных конфигураций — это эпоха манифестации новых форм социального общения: имитации свободы в заданных траекториях сетевого поведения; время сообществ с неопределенными нормативными границами социальных практик и конкурирующих представлений о долж-

проблема ментальных и когнитивных (социокультурных, антропологических) оснований институциональной эволюции государственно-правовых систем древнего мира. Подобного рода сюжеты имеют самостоятельное значение для эпистемологических реконструкций различных научных школ и подходов, поскольку воплощают общий взгляд той или иной исторической эпохи в определении концептуальных границ исследуемых явлений. Тема ждет своего сравнительно-правового и историографического осмысления.

⁵ Проблема категоризации правил социальной и религиозной жизни в контексте различения стандартных норм повседневного поведения и вероучительных норм отражает двойственную природу нормативного языка и порядка средневековой Европы, существующего в границах сакрального и профанного отношения к действительности, выраженного одновременно и на языке посвящения и служения богу, и на языке формальных предписаний. Модальность отношений в системе сакральных правил и позитивных правил исследована под общим концептуальным «зонтиком» «*Nomo sacer*» — «*Nomo juridicus*» (Дж. Агамбен).

В другом культурно-историческом (цивилизационном) контексте также имел место процесс совмещения и смены иератического (священного) языка древнеегипетской письменной традиции демотическим (профанным) языком повседневного общения. Священные, правопорождающие языки и тексты постепенно ушли из исторической памяти и исчезли из обихода, сохраняя себя для торжественных дат и ритуальных практик. Зато скоропись объективно была востребована социальной и культурной практикой.

В современном мире язык смс-сообщений уже замещает и разрушает просто фактом своего появления классические формы социальной коммуникации. Человек говорящий, а значит, и мыслящий, деградирует на глазах. Видимо, останутся одни смайлики, жесты и искусственный интеллект. А затем, венец всего сущего — тишина.

ном порядке взаимоотношений с его апостолами и пророками⁶. Это — жизнь социальных сетей, мобильного времени, гетерархического [34, с. 19–30] пространства и трансграничного [35, с. 30–71] права. Его ментальное основание заключено в идее деконструкции всего сущего и несущего, ризомах и симулякрах наличных форм социального общения, ухода от моноиерархий и его права, закрытого для изменений за рамками установленных границ официально-санкционированного правопорядка. Формирование «броуновской» среды обитания и права, размытого в своих концептуальных и нормативных положениях, бросает вызов тому, что еще вчера казалось безусловным и определенным: целеполаганию и рациональному выбору. Феномен текучей нормативности социальных отношений на языке Зигмунта Баумана [36] и социальных трансакций, в самих себе заключающих свое собственное право. Его концептуальное отображение — критическая, прежде всего в отношении своего наличного языка и междисциплинарной структуры, постюриспруденция⁷.

⁶ Галерея имен и текстов — Жак Деррида, Жиль Делёз, Жан Бодрийяр, Мишель Фуко в образах библейских пастырей и учителей во сне и наяву. Носители нового критического сознания и стиля мышления, разрушители классических концептов мировосприятия, его мифологии, культуры и языка. Явление из гроба Ф. Кафки, З. Фрейда и Ф. Ницше. Оды революционной радости открытия нового мира и ужаса исполнения пророческих откровений Иоанна Богослова. На самом деле нет ничего нового под луной, ничего не меняется, все возвращается на круги своя. Слова разные — метаправо и постправо, трансграничное право и надграничное право, жесткое право, мягкое право. Проблема одна: право либо есть, либо его нет. Дело за немногим, определить, что есть право? Что есть не право, — каждый знает на своем ограниченном опыте.

⁷ Очевидно, что регулярное появление критико-аналитических материалов в той или иной области знания выражает, как правило, промежуточный итог систематической, насыщенной проблемно-тематическим содержанием работы самого профессионального научного сообщества с его критическим этосом восприятия результатов собственной деятельности. Особенно это касается юридической науки с ее фрагментированными направлениями исследований государственно-правовых явлений, в которых собственно предметные и методологические основания существуют в единстве определения их содержания и формы. Например, правовая антропология и антропология права, социология права и юридическая социология, политическая юриспруденция и правовая политика. Это — тождественные или автономные области юридических исследований? Если автономные, то в чем различия в их собственной аналитике? Глупых вопросов много, умных ответов мало или наоборот. Диалектика познания. Юридическая наука о чем? Видимо, о юридическом. Что такое юридическое, выраженное на языке образно-ассоциативного, символически-аллегорического и рационально-логического мышления и социального общения? Как соотносятся должное как таковое и должное в рамочных различиях социокультуры, — в определениях мифа, определениях веры и определениях понятия.

Каким образом социальные факты (социальное отношение, представления и поведение) становятся юридическими фактами, то есть, юридическими отношениями, представлениями и поведением? Юридическое заключено внутри социального факта или привносится в социальный факт; оно онтологически дано или феноменологически задано; оно абсолютно или контекстуально? Где начинаются и кончаются границы юридического отношения и понимания действительности и границы предмета собственно юридической науки и границы ее междисциплинарных контактов, пересечений и заимствований? И так далее и тому подобное. Как соотносятся между собой в рамках общей теории права философия и эпистемология права, социология и антропология права? Что делать с формально-догматической юриспруденцией, которая утверждает, что на государственно-организованном «солнце» нет (не может быть) темных пятен, а если нечто подобное возможно, то только в вариации легкой ряби перехода от светлого настоящего к еще более светлому будущему? И можно ли данный формат юридической науки считать наукой, если выраженная в нем функция апологии наличного правопорядка снимает проблему и тему его аналитической критики?

Смена исторических эпох — это не только смена политико-правовых укладов. Это смена гештальта или глубинных ментальных оснований организации социальных порядков. Звук, жест, слово и цифра и есть ничто иное как социокультурные формы бытования юридического концепта действительности в отдельных исторических эпохах существования человеческих сообществ. Его развернутые характеристики представлены системами звучащей юриспруденции, юриспруденции жеста и юриспруденции слова [37, 38; 39; 40; 41, с. 214–222; 42; 43; 44]. Сегодня на исторической авансцене человек слова сосуществует с человеком цифры. Система живых вербальных коммуникаций и персонифицированных форм социального общения постепенно замещается цифровыми платформами [45]. Сетевые коммуникации обладают минимальной степенью выбора вариантов персонального поведения внутри сети, поскольку сетевое право не знает субъективного права. Сеть формирует и форматирует собственную соционормативную реальность. Общество цифровых платформ и технологий — общество виртуальных социальных коммуникаций. Это — гибко структурированные конгломераты унифицированных единиц в своих физических и интеллектуальных проявлениях. Это закрытое общество, о котором грезил еще Платон, — общество тотального наблюдения за всеми отправлениями социальной жизни. Новая реальность активно формирует свой словарь, его лексику и грамматику, свою аксиологию и риторику абсолютной несвободы [46; 47].

Сетевое общество, идущее на смену гражданскому обществу, обществу автономных сообществ на языке Никласа Лумана, не живет определениями своего права, как права публичной и частной свободы в практиках социального общения. Эволюция права (институтов) и эволюция представлений о праве (концептов) включены и являются составными элементами общей эволюции правовых систем своего времени и места. Переходы доправовых форм нормативной регуляции к государственно-правовым, а донаучных форм юридического мышления — к понятийным формам связаны и определяются фундаментальными сдвигами и трансформациями лежащих в их основании юридических картин мира или фундаментальными для различных исторических эпох формами и представлениями о должном порядке социальных отношений.

Осевое время (*в терминах К. Ясперса*) и Смена гештальта (*в терминах О. Шпенглера*) продолжают заключать в себе при всей их метафоричности базовые концепты понимания и определения изменений языков социального общения и языков их описания и объяснения в их исторических практиках и формах манифестации. Институциональная и концептуальная эволюции правовых систем в реальной логике взаимных отношений и пересечений образуют общий предмет юриспруденции — теории и истории производства и разрушения правовых систем в историческом времени и пространстве. Аналитический дискурс новой юридической науки сосредоточен вокруг

различений и определений права иерархических и сетевых сообществ, различений и определений концептуальных оснований эпохи модерна и постмодерна. Переход от работы с формальным *Текстом* к работе с социокультурным *Контекстом* в рамочных определениях *Метатекста* открывает еще неосмысленные и ненаписанные страницы будущей грамматики нового правопорядка.

Сетевая парадигма права и трансформация правовых систем, связанная с переходом от классической грамматики правопорядка к неклассическим формам эпохи постмодерна — новая проблемная область современной юридической теории и практики. Ее рабочая аналитика лежит в рамочных конструкциях семиотики права, раскрывающей взаимные отношения означающего и означаемого, выявляемые в различных исторических практиках юридической организации социальных отношений. На смену линейной грамматике правопорядка, в которой определенному означающему (правилу) соответствует определенное означаемое (поведение), приходит нелинейная грамматика подвижных юридических форм, где конкретное означающее полагает возможным сосуществование множества значений означаемого. Выбор приемлемой для сторон отношения юридической формы (значения) и составляет собственно предмет правового регулирования, субъектами которого являются сами стороны конкретного отношения. Плюралистическая структура субъект-субъектных отношений снимает фундаментальную проблему и тему классической юриспруденции — соотношения объективного и субъективного права, права и законодательства, поскольку данным категориям уже нет места в свободной концептуальной модели и живой нормативной практике организации правопорядка.

Феномен господствующего означающего уходит с юридической сцены, уступая место конкурентным подвижным формам организации правопорядка, в составе юридического инструментария которого ключевое значение приобретает интерпретативная техника широкого усмотрения понимания и определения наличного права. Смещение от установленного права к праву свободных интерпретаций означает переход от права, основанного на юридическом факте к праву, к основанному на подвижном представлении о факте. Базовые формулы-паттерны должного правопорядка заменяются текущими и размытыми ситуативными определениями. Цифровое право, по существу, и является юридическим форматом правопорядка эпохи постмодерна, способным в режиме реального времени формирования и осуществления трансакций зафиксировать возникшее и работающее в нем текущее правоотношение. Способно ли цифровое право заполнить разрыв формально должного и подвижного сущего без разрушения наличного правопорядка, — вопрос недалекого будущего.

Эволюции языка права: от права иерархий к праву сетей

*... сама структура языка предполагает
определенные взгляды на природу мира, так что
осваивая язык, мы впитываем
некую картину мира — рамку нашего мышления...
...мы вместе с языком осваиваем
правила понимания мира и правила поведения в нем...*
Фридрих фон Хайек

Уход с исторической сцены одних правовых систем и появление новых, их взаимные отношения и пересечения, притяжения и отталкивания, заимствования и коллизии связаны и определяются фундаментальными сдвигами в онтологических, ментальных и культурных основаниях социального общения. Это не исключает, а напротив, предполагает появление смешанных, сегментарных и многоуровневых правопорядков со своими юридическими языками, источниками и процедурами. Остается в аналитической повестке дня и вечная тема юридических исследований любой исторической эпохи; здесь эпоха сетевых сообществ не исключение, — право и системы знаний о праве быть свободным в различных социокультурных формациях существования и выражения права. Таким образом, ответ на вопрос, что есть право, есть также ответ на вопрос, что есть правовая свобода и наоборот. Одно живет в другом. Свобода как сознание права и право как осознание свободы лежат в основании социальных отношений как таковых. Свобода — это социальное благо-ценность и в этом смысле она может быть предметом распределения и перераспределения, справедливого или несправедливого с точки зрения морали, равенства или неравенства с точки зрения права. Возможно, именно в этом смысле юридическое и моральное измерения действительности составляют фундаментальные категории человеческого существования, изначально лежащие в его онтологии. Реальность осмысливается в категориях правильного или неправильного, приемлемого или неприемлемого, должного или недолжного порядка, но квалифицируется на языке исторически сложившихся форм образно-метафорического, вероучительного и понятийного выражения. Действующее в практиках социального общения право может отклоняться от определений социальной, религиозной и моральной нормативности, но данное в собственном смысле своего понятия оно не может быть аморальным [48; 49]. Аморальным может быть и является в различных форматах государственно-правовой политики только законодательство. Мораль и власть несовместимы в своей онтологии. Мораль ставит ограничения, власть их снимает мотивируя необходимостью перехода в новый мир. Аморальный порядок законодательной воли начинает восприниматься как долгожданное будущее, и оно приходит, чтобы остаться и быть рядом навсегда.

Преобразования структур социального общения в контексте смены доминирующих юридических картин мира или правосознаний своей эпохи определяют нормативные рамки и динамику движения от права социальных иерархий к праву социальных сетей. Исторически выработанные нормативные модели представили разнообразные по своей сложности кодифицированные комплексы сочетаний горизонтальных и вертикальных связей в отдельных сферах социального общения. Выражая различные формы зависимости между участниками социальных отношений, они обеспечивали правопорядок в границах правосознания своей исторической эпохи. В культурно-исторической последовательности это — языки социоприродных мифов, языки религиозных догм и языки логических конструкций, — традиционного права, религиозного права и позитивного права, сохраняющих свое нормативное значение в различных временных слоях юридических картин мира своей эпохи.

В сетевых нормативных моделях нет вертикальных и горизонтальных связей, а только траектории и их пересечения, в узлах которых собственно и протекают процессы юридической самоорганизации взаимных отношений. Подвижные системы нормативной регуляции, сопровождающие процессы социальных коммуникаций в режиме текущего времени, в отличие от статичных систем нормативной регуляции социального поведения трех нормативных исторических традиций, — один из возможных вариантов ответа на требования нового времени. Переход от классической эпохи существования представлений о должном порядке отношений в эпоху распада догматического и аксиоматического правосознания в практиках социального общения, его онтологии, аксиологии и эпистемологии к новым знаковым и нормативным формам понимания и общения сам по себе — длящийся в своих собственных определениях и значениях культурно-исторический процесс.

Каждая эпоха развития права и науки права характеризуется собственными предметными и концептуальными границами становления и развития своих правовых систем, своими когнитивными стилями и говорит на своем нормативном и аналитическом языке манифестации конкретного, воображаемого и абстрактного отношения. Что объединяет три высокие традиции существования права и науки права и эпохи перемен? Целостное или разорванное единство образа жизни и образа мысли, норм и представлений о нормах? Традиционное право и его концепты (*мифологемы*), религиозное право и его юридическая теология (*бogoоткровенные истины*), позитивное право и его понятийная аксиоматика (*аналитика*) — социокультурные формы существования и выражения социальных отношений в правосознании своего *осевого* времени никуда не уходят, а лишь меняют свою внутреннюю эпистемическую и деонтическую модальность. Генеалогия грамматик традиционного, религиозного и секулярного правопорядков, становление и развитие юриспруденции, преобразования ее исторической проблематики и языка, знаковых форм выражения юридического знания и дисциплинарной структуры являются общим предметом сравнительно-исторической юри-

спруденции, совмещающей в себе философию и теорию права, правовую лингвистику, антропологию и психологию.

Образование и открытие юриспруденции, ее институциональная эволюция и трансформации форм юридического знания — комплексная проблема и междисциплинарная тема юридической науки в целом, которая определяет наиболее перспективные направления исследования в области современного социогуманитарного знания. Проблема поиска нового концептуального языка неизбежно требует совмещения традиционных подходов, сохраняющих свой аналитический потенциал, и междисциплинарного наследия, которое юридическая наука получила благодаря расширению собственных предметных границ. Отдавая должное Куновской модели *парадигмальных переходов* в развитии науки, концепции «*полей и практик*» П. Бурдые, открывшей значение контекстуальных оснований и условий производства знания как культурного капитала своей эпохи, идее аналитического «*ядра и периферии*» в организации и структурировании дисциплинарных систем знаний, юриспруденция должна быть готова к концептуальным и практическим вызовам современности.

Новый предмет и проблема — это разрешение фундаментальных коллизий иерархических и сетевых нормативных порядков социального общения, разрывов преемственности и перехода от знания санкционированного и аксиоматического к знанию конвенциональному и критическому. Извечная дилемма — закон для всех и право для избранных, знание о праве для всех или для избранных обретает свою новую историческую форму: собрания конкурирующих за доминирование сетевых иерархий и легитимирующих их представлений. Мы еще не знаем всех последствий явления новой концептуальной и нормативной реальности [50, с. 91–134]. Этот симбиоз подвижных форм социального общения и понимания открывает или закрывает будущее? Это не столько вопрос соотношения жесткого и мягкого права, сколько проблема формирования новых комбинированных форм юридической организации социальных отношений, объединяющих иерархии в сети в общем культурно-историческом процессе их взаимной институционализации и позитивации [51, с. 25–97]⁸, права социальных сетей и права соци-

⁸ Идея сетей и иерархий как универсальных способов организации социальных систем сегодня начинает занимать доминирующее положение в общей методологической картине подходов в описании и объяснении социальных явлений и процессов. Фактически имеет место складывание неконцептуальной альтернативы в традиционной исследовательской технике бинарных оппозиций «А и не-А», а ее развитие в лице новой аналитики «парадигмальных пар», существующей только в предметном и логическом единстве их взаимных отношений и определений. Формат бинарных оппозиций «верха и низа», «вертикалей и горизонталей» членения социального пространства как пространства статусов и ролей, сохраняя свое аналитическое значение, в порядке субсидиарности восполняется возможностью увидеть и осмыслить его структурную целостность в правилах сетей и иерархий общей грамматики правопорядка.

Иерархии и сети, представляя нормативные ансамбли социальных отношений, реально существуют и воспроизводят себя только в системе своих взаимных пересечений и наложений. Сети формируют иерархии, иерархии производят сети. Статика социальной структуры — производная динамики социальных трансформаций и взаимных переходов внутри ее нормативного ядра и периферии — всего

альных иерархий как составных и подвижных элементов общей правовой реальности и ее возможных правопорядков.

Очевидно и другое. Эволюции *форм юридического мышления* или юридических картин мира (переживания, восприятия, понимания и отношения к праву), *форм нормативной регуляции* (или модусов, стереотипов и стандартов поведения) и *языков рассуждения* о правовых явлениях (или аналитического инструментария) образуют три взаимозависимых измерения и уровня правовой реальности своего исторического времени. Юриспруденция как таковая остается фундаментальной когнитивной формой осмысления и репрезентации правопорядков любой эпохи, являясь органической частью их социокультур и правовых систем. Юридическая наука в своей понятийной, логически выстроенной системе представлений о праве — всего лишь одна из возможных концептуальных комбинаций культурно-исторического процесса осознания права, изучения и понимания его метафизических смыслов и текущих инструментальных значений. Это бесконечное разнообразие знаково-репрезентативных форм выражения юридического знания, разрывы и преемственности в развитии способов институционального общения, языков описания и объяснения права, их парадигматике и синтагматике составляют собственный предмет семиотически ориентированной культурно-исторической юриспруденции.

Проблема в том, что обозначаемое (*предмет*), обозначающее (*дискурс*) и обозначенное (*концепт*) непрерывно меняются знаковыми местами, замещают, выражают и переопределяют друг друга. Комбинации слов превращаются в комбинации значений только в живой практике (прагматике) означивания своего предмета и методов, которые также не существуют сами

лишь временной срез ее фактического бытования. История институтов и история представлений — это также история постоянных уходов и возвращений надличностных и личностных оснований социального общения.

Социальные институты выражают социальные переживания и представления, социальные переживания и представления формируют социальные институты. Субъект социального общения (коллективный или индивидуальный) на любой стадии своего социального бытования делает одно и то же: непрерывно плетет и расплетает сеть своих связей с другими. Повседневные практики социального общения в своей противоречивой двойственности бытия и его сознания, его исторической онтологии и феноменологии, регулярных действий и мотиваций существуют в системе правил поведения и аналитических отражений их нормативных значений и культурных смыслов.

Исторические модальности живого права в его стадийных последовательностях и параллелизмах представлены своей циклической логикой отношений, изменений и повторений в языке и семантике мифа, веры и понятия. В реальности все перемешано и только аналитически различимо: от сакрального к профанному и профанного к сакральному; от мифа к логосу и логоса к мифу; от сети к иерархии и иерархии к сети. Все во всем, везде и всегда. Наука права — единственная дисциплинарная область социогуманитарного знания, которая не только отражает и выражает эти парадигмальные сдвиги, зависимости и переходы. Она концептуально живет социокультурной динамикой их отношений и определений, на пересечении внешних контекстуальных значений и внутренних глубинных смыслов, одновременно их переживания и понимания. Действительная угроза, исходящая из противопоставления эпохе модерна эпохи постмодерна в развитии права и юриспруденции, заключена в оппозиции идеи реконструкции и деконструкции наличных правопорядков и выражающих их предметных языков, соответственно, сохранения и восстановления концептуального наследия или замещения и вытеснения его на периферию.

по себе. Изучить явление значит найти его понятие в рамочных изменениях социокультурного контекста и метатекста концептуальной биографии существования и определения своего предмета. Разработка юридической теории предмета и корреспондирующих ему методов имеет место только в подвижной структуре междисциплинарных связей и отношений ее исторической эпохи и стиля языкового мышления. Исторически право живет в концептуальных определениях своего явления, его значениях и смыслах. Явление одновременно переживается (феноменологическое определение права), оценивается (аксиологическое определение права) и осмысливается (понятийное определение права). Юридически концепт действительности включает в себе все возможные формы существования и выражения явления права в его культурно-исторической генеалогии и эпистемологии.

Все возвращается к своим архетипическим истокам. Вечно зелено не только древо жизни, но также и древо познания, о чем говорили в свое непреходящее время еще библейские тексты. Существование явления права до понятия — предмет юридической мифологии и юридической теологии. Мифопоэтическая, символическая и понятийная формы осмысления действительности живут собственной жизнью, выражая и опредмечивая себя в различных исторических практиках концептуального и институционального развития. В общей социокультурной динамике их взаимных отношений и переходов непрерывно протекают процессы переносов и изменений эпистемических и деонтических статусов и значений в совместно вырабатываемых формах социального общения. Исторические трансформации в составе и структуре ядра и периферии социокультурной регуляции [52] периодически, синхронно или асинхронно, симметрично или асимметрично меняя нормативные роли и позиции ее базовых элементов — идей, норм и ценностей — сохраняют или разрушают, расширяют или сужают когнитивные и мировоззренческие основания или *этнос* человеческого, а значит, и юридического существования.

Мифология и теология, переплетения воображаемого и реального, фактического и символического — изначальные и первичные способы концептуализации социальных отношений. Это — проявления коллективного сознания, в котором получают свое ментальное выражение формы и механизмы юридического восприятия действительности и воздействия на глубинные процессы социальной интеграции и дезинтеграции, лежащие в основании текущих и повседневных практик и представлений о должном правопорядке. Социокультурные матрицы любой исторической эпохи в своем цивилизационном генезисе уже заключают в себе разнообразные и конкурирующие форматы и тенденции юридического понимания и организации социальных отношений [53; 54, с. 5–20]⁹. Социальные отношения каждой

⁹ Факт различения социально-политических траекторий и исторических судеб различных стран в открытой форме представлен в сосуществовании двух в культурном, а не географическом смысле юридических пространств Западной и Восточной Европы. Христианско-католическая римская и хри-

исторической эпохи живут, говорят и думают на языке своей социокультуры и размышляют произведенными в ее рамках рабочими языками экономики, политики и права.

Доминирование одних нормативных моделей в общей системе социальной регуляции над другими вариативно. Смена юридических картин мира не меняет конститутивной роли самих идей, норм и ценностей в их универсальной способности функционально изменяясь оставаться ключевыми элементами общей структуры нормативной регуляции. Тезис, согласно которому право существует в определениях своей социокультуры, позволяет рассматривать эволюцию права в контексте преобразований в составе концептуальных парадигм, выражающих в языке своего исторического места и времени глубинные ментальные основания генезиса и движения собственных правовых систем. Концептуальные парадигмы, «путешествуя» во времени и пространстве, меняют или сохраняют свои смыслы и значения в границах и определениях культур реципиентов.

Миф, вера и ритуал — объяснительные схемы и модели поведения, вечные спутники человека, феноменологически заданные формы его социального бытования (социализации и понимания, адаптации и мобилизации) и вечные объекты изучения юридической науки. Сегодня они выступают фундаментальными альтернативами всеобъемлющей рационализации как права, так и науки права, которые в своей действительности заключают самые разнообразные и конкурирующие смыслы и значения. Чтобы их увидеть и понять, следует критически осмыслить привычные стандарты квалификации знания как логически верифицируемого набора определений. Явление права живет в переживаниях, образах и концептах юридических картин мира каждой исторической эпохи выражения и понимания права. Действительный предмет юриспруденции — культурная психология институтов, ментальной репрезентацией которой являются сами институты.

Мифологические, религиозные и рациональные концептуальные парадигмы (традиции и новации) в их взаимной эволюции признания и отрицания соединяются и сочетаются в разнообразных пропорциях и конфигурациях совместного сосуществования и влияния на процессы развития и осмысления права. Мифологические, религиозные и законодательные правовые системы характеризуются своими формами юридического мышления (архетипического, канонического и понятийного), существованием собственного

стианско-православная византийская традиции, имея общие вероучительные и правовые основания, образовали не только собственные цивилизационные комплексы, но и длящуюся историческую практику их параллельного развития. Одновременно поражает разнообразие юридических систем западноевропейского мира, включающего римское правовое наследие, естественное и божественное право, городское и манориальное право, право социальных корпораций, в том числе церковное или каноническое право. Живой мир конкурирующих юридических концептов действительности, позволивший избежать односторонней монополии в определении нормативных границ социального общения. Доктринальная альтернатива европейскому правопорядку изложена в евразийском проекте построения государственно-правовых отношений и эскизно очерчена А. Дугиным.

социального пространства, доступного только своим юридическим техникам его нормативной классификации и организации, своими ритуальными, богословскими и аналитическими средствами и практика разрешения внутренних конфликтов и отклонений от установленных и признанных стандартов должного поведения.

Это — юридические тексты, открывающие окно в юридические картины мира или сменяющие друг друга на протяжении всей истории человечества концепты, живущие в его устной и письменной традиции переживаний, описаний и объяснений правовой реальности или правопорядков своего времени и места. Первая в историческом времени его архаической фазы — мифопоэтическая юридическая картина мира. Она составляет и включает в себе ментальное измерение мифоритуальных правовых систем первоначальных культурных сообществ. Базовый концепт социально нормативного регулирования основан на *тождестве или переносах* (трансферах) свойств и порядков природной реальности на ее культурное отображение — социальную реальность. То есть воспроизводят глубинные метафорические и метонимические практики [55, с. 144–147; 162–171] или техники организации правопорядка через механизм *приписывания* ему определенных нормативных свойств (аскриптивность) в форме социоприродного права или юридического симбиоза природного и социального начала с такими ключевыми элементами, как тотемная классификация социальной структуры, генеалогии, культа предков, табу. Следующая фаза нормативной эволюции социальных систем была подчинена в своих юридических построениях религиозно-символической модели видения мира, основанной на концепте *признания* в определениях должного или недолжного порядка божественной воли. Нормативное и концептуальное ядро системы составляли институты и представления греха и искупления, выраженные в действиях, мыслях и поступках конкретного человека и сопровождающем в его земном и посюстороннем мире вечном воздаянии. Завершающая для современной фазы культурно-исторической эволюции систем нормативного регулирования рациональная юридическая картина мира, в основании которой лежит формально-логический принцип *конструирования* правил поведения, сложный концептуальный синтез деонтической логики нормативных суждений и культурных значений, адресованных существу и подчиняющих его своим определениям.

Концепты — своего рода производительные силы в исторических практиках социального производства; производства культурного пространства своей эпохи с его наполнениями вещественными и ментальными артефактами — ценностями и нормами, смыслами и значениями. Сложно представить ландшафт средневековой Европы в отсутствие концепта греха и искупления в социокультурных текстах ее существования и литературно-художественного, архитектурно-живописного и юридического выражения. Нет готических соборов и мест паломничества верующих во имя спасения

души, нет религиозной живописи, скульптуры и музыки, нет монастырей монашеского бегства от грешного мира, нет религиозно-юридических трактатов («сумм» теологии) о должном поведении в ожидании суда и возмездия за все, что творилось земным телом. Нет почти ничего из того, что мы сегодня видим, но зачастую уже не понимаем и не воспринимаем, поскольку живем в условиях другого господствующего концепта действительности, то есть в другой ментальной, когнитивной и социально нормативной реальности [56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 63; 64].

Концепты выражают и направляют культурно-исторические траектории движения систем социального общения, формируя их внутренние интенции, получающие свое воплощение в разнообразных формах своей манифестации, не только в институтах, а прежде всего, в философско-религиозных и художественно-литературных произведениях. Любой продукт культуры существует и определяет себя в социокультурном и концептуальном пространстве своей эпохи [65]. И в той мере, в какой он входит в сложившуюся матрицу общей ментальности и находит свое место, вписываясь в рамки стилевых нормативов, реально существует внутри наличной традиции. Отход от изучения внешних форм выразительности к внутренним, от открытых значений к скрытым смыслам, обозначил границу перехода от иконографической модели описания культурных артефактов к иконологической, в наиболее развернутой форме представленной последователями школы Аби Варбурга [66]. В оригинале названия работы использована и введена в оборот конструкция «Patterns of Intention» — паттерны интенции, отражающая глубинные основания социокультурного контекста. В переводе полностью утрачена смысловая концепция исследовательского подхода. Интенциональность в рамочных определениях иконологического подхода означает, а значит, и обозначает (есть знак) отношения произведения с окружающей средой его производства и потребления не только современниками, но и в последующие временные циклы вхождения в культурные слои и потребности других исторических эпох. Эволюция интенциональности заключена в эволюции языка устной и письменной культурной традиции [67], языка эйдоса Платона, гештальта Шпенглера, габитуса Бурдьё. От мифа и ритуала к эйдосу, от эйдоса к гештальту и паттерну, от паттерна к габитусу и концепту, принадлежащим только себе, — это и есть действительная история путешествия исторических форм знания между мифом и логосом в их образах и представлениях, доктринах и ценностях, определениях и понятиях.

Подобное понимание трансформации аналитических подходов и их доктринальных оснований обнаруживает себя в концептуальной борьбе юриспруденции метафизических смыслов и юриспруденции нормативных значений, философии права и позитивной науки права [68, 158–200; 69, с. 5–18]. Законсервированная в себе формально-догматическая юриспруденция (нормография, догматическая аналитика) продолжает свое шествие на всем предметном пространстве отечественной юридической науки, по-

стулируя свою сущность идеологического и политического инструмента власти в осуществлении социальных утопий. Ее альтернативы — критическая и культурно-историческая юриспруденция и юриспруденция ментальных и когнитивных оснований правовой действительности — включают в свои определения, исходя из изменений контекста ее восприятия и переживания, императивные требования и запросы эпохи, живущей своими пониманиями смысла и значения права, которое называет себя позитивным, не раскрывая, в чем же заключена его позитивность, — как таковая и в своих практических проявлениях. Сегодня проблема нормативности доктринальных утопий, прорастающих с известной регулярностью на отечественной почве и с их повторяемостью разрушительных последствий, весьма актуальная тема постсоветской юриспруденции.

Все модусы и модальности проявлений юридических картин мира, одновременно реальных фактов и концептов, демонстрируют разнообразие исторических форм и социокультурных техник организации правопорядков. И поэтому вполне объяснимо, что аналитика культурно-исторической юриспруденции, развернутая в антропологии, герменевтике, лингвистике и эпистемологии права, образует и актуализирует сегодня ключевые подходы и направления теоретико-методологической рефлексии своего предмета. Наука права существует в определениях языка и культуры различных эпох. Ее современный теоретико-методологический формат позволяет открыть и увидеть новые аспекты и измерения исследуемой правовой реальности, заключенные в генеалогических основаниях права и науки права. История права и история науки права и есть не что иное, как развернутая во времени проблематика взаимозависимости практического языка права и аналитического языка юриспруденции [70; 71]. Предметно определяемая социокультурной динамикой их становления и взаимодействия, совмещения и переходов от одной матричной структуры комбинаций и определений понятий и правил к качественно другой логике их нормативной и аналитической организации, она сочетает синхронический и диахронический формат и траектории совместного развития и существования. Описать и объяснить состояние и перспективы изменений в составе и структуре правоведения, исходя из необходимости гармонизации отдельных направлений и подходов (историко-генетического, сравнительного, контекстуального) различных дисциплин в логике взаимодополняемости их аналитических языков — первоочередная задача и тема новой юриспруденции. Ее комплексный предмет — генеалогия правовых понятий и генеалогия правовых институтов или история рождения и смерти концептуальных и институциональных парадигм в их прошлом, настоящем и будущем.

Генеалогия правовых институтов живет генеалогией образов и представлений, закодированных в языке и культуре социального общения. Институты одновременно переживаются и осмысляются. Институты органического общества и классового общества, гражданского и сетевого общества и их

экономические, политические и юридические импликации — предмет культурно-исторической юриспруденции и психоанализа в духе Зигмунда Фрейда, Карла Юнга, Жана Бодрийяра, Ги Дебора и Анри Лефевра. Социальная реальность такова, каков язык переживания и рассуждения о реальности. Языки юридических картин мира не только формируют, но и определяют и регулируют пространственные и временные границы социального поведения. Каждая историческая эпоха развития права живет логикой своего доминирующего языка восприятия и понимания действительности, явленной в признанных и санкционированных сознанием своего времени мифологических, религиозных или рациональных определениях и квалификациях права. Именно здесь и лежат аналитические основания формирования интегральной юриспруденции, совмещающей в рамках своего собственного комплексного предмета исследования мифопоэтические, религиозно-символические и рационально-логические подходы в изучении права. Классическая формула *«от мифа к логосу»*, метафорически выражающая традиционную эволюционную модель развития языка юриспруденции, в ее современной редакции, основанной на принципе пересечений и борьбы за доминирование внутри смешанных концептуальных парадигм, должна быть дополнена и представлена конструкцией *«между мифом и логосом»*. Исследовательский потенциал данной интегральной схемы развития юриспруденции позволяет выйти за рамки линейных форм движения ее языка, предмета и структуры и показать реальную культурно-историческую и аналитическую динамику формирования юридической науки, включая инволюционные линии в ее развитии. Культурно-историческая юриспруденция находит и исследует свой предмет в определениях трех формаций юридического языка и, соответственно, трех модусов существования юридического знания, — мифологически, теологически и секулярно ориентированного. То есть осмысления правовой реальности в образных представлениях, метафизических построениях и логических конструкциях. В такой версии понимания генеалогии юридической науки и ее аналитической части — теории права, юриспруденция представляет собой подвижную систему конкурирующих определений, суждений и аргументаций, выстроенных в логике постоянной концептуальной борьбы их текущих значений и смыслов, понятий, концепций и ценностей.

Правопорядок каждой исторической эпохи своего юридического существования, его нормативная и аналитическая составляющие выстраиваются относительно трехсоставной архитектуры базовых концептуальных парадигм описания и объяснения действительности. Любое явление, в том числе и право, на любой фазе своей культурно-исторической эволюции и концептуальной биографии может быть рассмотрено с точки зрения логики существования и выражения себя в системе мифов, догм и понятий. Это — универсальная матрица базовых элементов исторических и аналитических репрезентаций правовой реальности. Она выступает общей культурной

формой юридического мышления в наличном правопорядке, концептуального включения его в практики социального общения и нормативной организации в определениях ритуальных формул и традиций, вероучений и канонов, формальной логики и рациональных конструкций. Общая история права и науки права может быть представлена не только в виде линейной последовательности исторических периодов, каждый из которых охватывает процессы становления и реализации доминирующих образов-моделей правопорядка, определяющих признанные и санкционированные юридические формы социальных отношений, но также их совместного, циклического и возвратно-поступательного сосуществования, образуя сложные нормативные и понятийные комплексы. Эпистемическая ценность генеалогического подхода в описании и объяснении права и науки права в том и состоит, что в нем четко различимы два фазовых состояния и концептуальный переход из допонятийной в понятийную форму существования и выражения права и науки права.

Подвижный концептуальный баланс языков мифологических, религиозных и рациональных определений составляет реальную конфигурацию юридических картин мира каждой исторической эпохи, выраженных в сочетаниях и пересечениях архетипических, символических и проектных форм юридического сознания и мышления. Они связаны между собой синтагматическими и парадигматическими отношениями; занимают в зависимости от исторического контекста положение либо ядра, либо периферии в общей культурной системе; образуют смешанные нормативные структуры, внутри которых протекают процессы развития и перехода от одних доминирующих юридических форм организации социального общения к качественно другим, отвечающим новым потребностям и вызовам. Реальная структура правопорядка существует в виде отдельных сегментов, предназначенных для потребления различными статусными функциональными группами, складывающимися в их общей социальной системе. Ничего никуда не уходит. Все живет своей явной или скрытой жизнью, обнаруживая свое присутствие в ситуациях структурных кризисов, описываемых К. Ясперсом в терминах *осевого времени* или парадигмальных циклов движения отдельных эпох и стилей отношения к действительности и понимания правовой реальности в рамочных определениях господствующего концепта и языка юриспруденции своего времени [72; 73; 74].

Резюме

Ключевую проблему и тему современной юриспруденции составляет вопрос границ приемлемости, способности и эластичности национальных правовых систем усваивать (заимствовать и переваривать) юридический язык, конструкции и представления, выработанные в рамках других правовых систем в условиях трансграничных пересечений и наложений без ущерба существования собственных правовых институтов и устанавливаемого в их

определениях правопорядка. Правовые системы — живые реальности, ведущие скрытую, непрерывную и невидимую войну за доминирование своих концептуальных, институциональных и образовательно-педагогических оснований. Никем и ничем неограниченная трансляция своего нормативного языка за рамки собственной непосредственной и предметной юрисдикции означает одновременно и трансляцию своего образа мыслей и жизни, собственного видения мира социальных отношений, форм их юридической организации, а по существу, управления миром [75, 76].

Право, как форма существования и выражения соционормативной культуры своего исторического места и времени, включает в самом себе определенную концепцию действительности. Юридическая мифология, религия и наука являются ничем иным, как формами мышления и техниками осмысления и концептуализации социальной действительности в образах, представлениях и понятиях правопорядка. Способы и средства правообразования и правореализации находят себя в лексике и семантике юридического языка своей эпохи, содержания и композиции юридических текстов и определяющих их жанровые и стилевые характеристики юридических дискурсов. Юридический язык, текст и дискурс — базовые, концептуально нагруженные категории юриспруденции, открывающие возможность введения в исследовательский оборот новых измерений и приемов осмысления правовой реальности, выходящих за рамки традиционных формально-догматических подходов ее концептуализации. Семиотическое и поэтикологическое прочтение юридического текста позволяет расширить понимание нормативной природы права за счет включения в определение его содержания контекстуальных и коннотативных значений.

Право не существует само по себе. Оно нагружено историей возникновения, становления и генезиса регулятивных и когнитивных оснований своего существования и воспроизводства в условиях постоянно меняющейся социальной и культурной среды обитания, органичной частью которой оно и является в различных аспектах и формах собственного нормативного выражения и манифестации. Аналитический язык юриспруденции, обогащаясь концептуально и инструментально, становится одновременно носителем предмета и средства изучения не только явления права, но и самой дисциплины.

Право и наука права — это формы существования и выражения соционормативного Текста — универсальной категории культуральной юриспруденции [77; 78; 79]. Именно в ее определениях можно описать и объяснить механизм его порождения или грамматику правопорядка той или иной исторической эпохи и типы юридической риторики, аргументации и высказываний, концептуально связанных с организацией власти, ее критикой и апологией в границах открытых значений и скрытых смыслов господствующего языка и его дискурса [80, с. 88–116; 81, с. 14–48]. В этом аспекте своего становления и развития, право и наука права заключаются в предметы

герменевтики, поэтики и семиотики юридического текста, поскольку жизнь базовых доктринальных текстов продолжается в интерпретациях своей культурно-исторической эпохи.

Список литературы

1. Автономов В. В поисках человека: Очерки по истории и методологии экономической науки. М., СПб., 2020.
2. Автономов А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М., 2009.
3. Микеле де Сильвиа. Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004.
4. Глотов С.А., Мазаев В.Д. Современная концепция прав человека в принципах и нормах Совета Европы. М., 2001.
5. Блэк Боб. Миф о правах человека. М., 2019.
6. Ален де Бенуа. По ту сторону прав человека. В защиту свободы. М., 2015.
7. Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть. М., 2021.
8. Хиршман Альберт О. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М., 2021.
9. Юридическая герменевтика в XXI веке. СПб., 2021.
10. См.: Гарридо Мануэль Хесус Гарсиа. Римское частное право: Казусы, иски, институты. М., 2005.
11. Разуваев Н.В. История римского гражданского процесса как универсальная модель эволюции правопорядков Древнего мира // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 3.
12. Честнов И.Л. Право и литература после лингвистического поворота / Право и литература. М., 2013.
13. Честнов И.Л. Теория права в эпоху постмодерна / В поисках теории права. СПб., 2021.
14. Юридическая герменевтика в XXI веке. СПб., 2021.
15. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук (1966). М., 1977; СПб., 1994.
16. Фуко М. Археология знания (1969). СПб., 2004.
17. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия и истоки социологии. СПб., 2002.
18. Зильберман Д. К пониманию культурной традиции. М., 2015.
19. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. III. Право. М., 2018.
20. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
21. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / Собрание сочинений. Т. 12. М., 2019.
22. Хайек Фридрих фон. Заметки об эволюции систем правил поведения / Собрание сочинений. Рынок и другие порядки. Том 15. М.; Челябинск, 2020.
23. Нормы и мораль в социологической теории. От классических концепций к новым идеям. М., 2017.
24. Кофанов Л.Л. Lex и Jus: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М., 2006.

25. Сидорович О.В. Жреческая традиция в Древнем Риме. Культ, ритуал, история. М., 2018.
26. Дождев Д.В. Система «Институций» / Институции Гая. М., 2020.
27. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012.
28. Полдников Д.Ю. Договорные теории глоссаторов (XII–XIII вв.). М., 2008.
29. Пирсон К. Просто собственность: ее история на латинском Западе. Том 1. Богатство, добродетель и право. М., 2020.
30. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.
31. Берг Л.Н. Правовое воздействие: инструментальный аспект. Екатеринбург, 2019.
32. Фюстель де Куланж. Гражданская община античного мира. М., 2019.
33. Агамбен Дж. Высочайшая бедность: монашеские правила и форма жизни. М., 2020.
34. Красавин И. Techne. Сборка сообщества. М.; Екатеринбург, 2013.
35. Варламова Н.В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права / Проблемы постсоветской теории и философии права. Сб. статей. М., 2016.
36. Зигмунт Б. Текущая современность. СПб., 2008.
37. Вульф К. Генезис социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб., 2009.
38. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
39. Дубинец Е.В. Знаки звуков. Киев, 1999.
40. Темнов В.И. Звучащая юриспруденция. М., 2009.
41. Проскурин С.Г. Древние перформативы и право / Языковые параметры современной цивилизации. Москва, Калуга, 2013.
42. Проскурин С.Г., Центнер А.С. К предистории письменной культуры: архаическая семиотика индоевропейцев. Новосибирск, 2009.
43. Соболева А.К. Топическая юриспруденция. М., 2001.
44. Байтеева М.В. Язык и право. Казань, 2013.
45. Срничек Ник. Капитализм платформ. М., 2018.
46. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.
47. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995.
48. Михайловский И.В. О религиозно-нравственных основаниях права / Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914.
49. Спекторский Е.В. Христианство и правовая культура / Христианство и культура. Прага, 1925.
50. Катерный И.В. Трансмобильность и нормативный морфогенез в условиях постгуманизированного общества: Как все еще возможен социальный порядок? / Нормы и мораль в социологической теории. От классических концепций к новым идеям. М., 2017.
51. Фергюсон Ниал. Введение в сети и иерархии / Площадь и башня. М., 2020.
52. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

53. Айзенштадт С.Н. Культура, религия и развитие в Североамериканской и Латиноамериканской цивилизациях // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1.
54. Дугин А. Теория Евразийского государства / Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2003.
55. Лефевр Анри. Производство пространства. М., 2015.
56. Отто Рудольф. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008.
57. Эрвин Панофски. Готическая архитектура и схоластика / Богословие в культуре Средневековья. Киев, 1992.
58. Агамбен Дж. Высочайшая бедность: монашеские правила и форма жизни. М., 2020.
59. Эрих А. Мимесис. Изображение действительности в западно-европейской литературе. М., СПб., 2000.
60. Берман Гарольд Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 2008;
61. Эксле Отто Герхард. Действительность и знание: Очерки социальной истории средневековья. М., 2007.
62. Языки как образ мира. М.; СПб., 2003.
63. Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в XX веке. М., 2013.
64. Юнгер Э. Смена гештальта. Прогноз на XXI век. М., 2018.
65. Мартынов В. Конец времени музыкантов. М., 2018.
66. Баксендалл М. Узоры интенции. Об историческом толковании картин (1985). М., 2003.
67. Перлер Доминик. Теории интенциональности в Средние века. М., 2016.
68. Михайлов А.М. Юридическая доктрина и юридическое мышление / Юридическое мышление. Классическая и постклассическая парадигмы / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2020.
69. Разуваев Н.В. Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1.
70. Дворкин Рональд. Империя права. М., 2020.
71. Основные юридические понятия Уэсли Н. Хофельда. СПб., 2016.
72. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.
73. Элиаде Мирча. Космос и История. М., 1987.
74. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
75. Фёгелин Эрик. Новая наука политики. Введение. СПб., 2021.
76. Джентиле Эмилио. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб., 2021.
77. Бёрк Питер. Что такое культуральная история? М., 2015.
78. Культуральные исследования права. СПб., 2018.
79. Капра Фритьоф, Маттеи Уго. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом. М., СПб., 2021.
80. Фуко М. Лекции о воле к знанию. С приложением «Знание Эдипа». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970–1971 учебном году. СПб., 2016.
81. Меркулов И.Н. Архаичное мышление: вера, миф, познание / Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. М., 1996.